

УДК 343.85

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Донская О. Г., Москалева Е. Н., Путинцева Т. А.

В статье проводится сравнительный анализ социальных и юридических последствий, определяется их значимость для квалификации преступлений. Авторы приходят к выводу о существенной разнице в масштабах данных последствий, приводят практические примеры несогласованности между реальными и юридическими последствиями. В процессе аргументации выводов используется метод моделирования, что позволяет более детально обозначить проблемы. Только объективно оценив социальные последствия, можно судить о правильной оценке степени общественной опасности преступления и, соответственно, о справедливости наказания. С учетом современных реалий назрела необходимость в научном осмыслении и реформировании отдельных уголовно-правовых норм в части соотношения юридических и социальных последствий преступлений. Требуется уточнение вопроса о возможной переквалификации преступных деяний на более тяжкие в случае, если последствия преступления наступили по истечении длительного времени. Назрела необходимость в проведении теоретически обоснованной классификации преступлений в зависимости от распространенности их социальных последствий. Это позволит создать комплексную систему уголовно-правового и криминологического противодействия преступности. Требуется реальная работа с жертвами преступлений, направленная на минимизацию социальных последствий преступности.

Ключевые слова: жертва, квалификация, криминология, масштабы, механизм совершения преступления, преступление, преступник, потерпевший, преступный результат, правоохранительные органы, социальные последствия, судебная практика, суд, статистика, степень общественной опасности, сроки наступления последствий, уголовное право, юридические последствия.

Защита прав и законных интересов лиц и назначение справедливого наказания представляют основной смысл уголовного судопроизводства. Сам же принцип справедливости законодатель раскрывает в ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации – это соответствие характеру и степени общественно-опасных последствий. Но в доктрине уголовного права и криминологии существует проблема несоответствия социальных и юридических последствий преступлений. Так, Е.Ю. Антонова высказала мнение, что социальные и юридические последствия выступают в соотношении как общее и частное [1, с. 290]. Действительно с этим нельзя не согласиться. Социальные последствия всегда будут включать в себя больше аспектов нежели юридические. Это обосновывается фактом индивидуальности каждого дела, что связано с масштабами последствий и сроками их наступления.

В процессе квалификации преступлений возникают сложности при оценке юридических значимых последствий и отграничении их от социальных последствий. Аргументируя нашу позицию, обратимся к дефиниции социальных последствий. При совершении конкретного преступления нередко причиняется вред нескольким видам смежных общественных отношений, поскольку каждое из них тесно связано с другими отношениями в той же или в смежных областях жизни и в результате возникают многочисленные последствия, которые не являются признаками объективной стороны преступления и не подлежат учету при решении вопроса об уголовной ответственности и наказании виновного лица. В этой связи, «социальные последствия преступности – это не механическая совокупность прямых и косвенных

результатов воздействия преступности на личность, общество и государство, образующих качественно иное негативное образование» [2, с. 134-135].

Таким образом, социальные последствия не только шире, как понятие, но и зачастую остаются без учета при вынесении приговора. Смоделируем ситуацию: А. судят по делу, где потерпевшей стороной выступает Б., применяется состав преступления – ч. 2 ст. 122 УК РФ. Итогом судебного разбирательства является обвинительный приговор. Однако, иммунитет Б. не справляется с инфекцией, и потерпевшая умирает. Но закон не позволяет связать два этих факта и разграничивает такие объекты как здоровье и жизнь.

С 1997 г. по июль 2020 г., по статье 122 УК РФ было вынесено 1014 обвинительных приговоров. Из них 57% (577) «за поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ» [3]. При этом не уточняется с какими последствиями столкнулись жертвы. Опасность ВИЧ содержится в способности поражать и вызывать гибель некоторых клеток иммунной системы. В юридической литературе встречается предложение, что «если лицо, заразившее другого человека ВИЧ-инфекцией, неосторожно относилось к смерти потерпевшего, и эта смерть наступила, его действия следует квалифицировать по совокупности ч. 2 ст. 122 и ч. 1 ст. 109 УК РФ. В случае умышленного отношения виновного к названным последствиям такое деяние должно оцениваться по совокупности ч. 2 ст. 122 и ст. 105 УК РФ. Если же умысел был прямой, и смерть не наступила, предлагается квалификация по совокупности заражения ВИЧ-инфекцией и покушения на убийство» [4, с. 890].

Жертва заражения ВИЧ-инфекцией при своевременной и качественной врачебной помощи может лишь продлить себе жизнь на определенный промежуток времени, размер которого в большей степени зависит от индивидуальных особенностей организма потерпевшего, процесса развития вторичных заболеваний. Однако не последнюю роль играет стадия, на которой будет обнаружена та или иная болезнь, и отношение зараженного к процессу лечения.

Норма о заражении ВИЧ-инфекцией построена законодателем таким образом, что последствия заражения лежат за ее пределами, соответственно при необходимости требуется дополнительная квалификация, но на практике такие случаи практически не известны. Выделяя в рамках преступлений против здоровья ст. 122 УК РФ и способ заражения, законодатель стремился оградить потенциальных жертв именно от такого вида посягательств на здоровье, однако по факту данное деяние является изоциренным посягательством на жизнь. Виновный знает о своей болезни и осознанно заражает жертву, при этом жертва длительное время находится в неведении, что позволяет развиваться необратимым вторичным заболеваниям (терминальная стадия), в результате которых больной погибает в течение нескольких месяцев [5]. Типичный механизм совершения преступления приводит к неминуемой гибели жертвы.

Рассмотрим другой пример. Потеря зрения на один глаз или пожизненное нахождение жертвы в коматозном состоянии наказываются законодателем одинаково – в соответствии со ст. 111 УК РФ, однако, для потерпевшей стороны в вышеназванных случаях последствия будут ощущаться совершенно по-разному. Поясним этот вывод. Социальные последствия в первую очередь затрагивают интересы потерпевшей стороны. И даже если не брать в расчет саму жертву преступления, близкие ей люди также сталкиваются с непреодолимыми сложными жизненными обстоя-

ательствами. Но возникает вопрос, насколько существенны они для последних? С одной стороны, жертва лишается трудоспособности из-за сломанной руки, а с другой - ей потребуется постоянный уход, наблюдение за жизненными показателями или и вовсе приобретет вегетативное состояние.

На наш взгляд, в рассмотренном случае при применении ст. 111 УК РФ размывается принцип справедливости. В связи с чем, предлагаем внести в уголовный закон норму об особо тяжком вреде здоровью [6, с. 1261]. Это позволит максимально дифференцировать ответственность за причинение вреда здоровью на основании последствий.

Как отмечают А.Н. Павлухин и Н.Д. Эриашвили, в преступлениях против личности, нарушенное право может быть восстановлено лишь частично (при убийстве невозможно вернуть к жизни потерпевшего и т.п.), но все равно оно реально восстанавливается путем применения справедливого наказания, удовлетворения иска на ритуальные услуги, компенсации морального вреда и т.д. При этом у членов общества может удовлетворяться чувство социальной справедливости как морально-психологическая категория [7, с. 55].

Но этими же авторами сформулирован вывод о последствиях, которые не учитываются в полном объеме. Так, имеет место умозаключение о порождении нигилистических взглядов общества при оценке эффективности права, которые могут привести к ослаблению веры граждан в справедливость закона и развить негативное отношение к правоохранительной системе государства.

Кроме того, подобная проблема прослеживается не только в преступлениях против жизни и здоровья. Весьма большой пласт преступлений в современной России составляют коррупционные деяния. По данным МВД, в 2021 г. в России зарегистрировано около 35 тыс. преступлений коррупционной направленности, что на 14% больше, чем годом ранее [8]. Примерами социальных последствий взяточничества могут служить следующие явления:

1. Формирование двойных стандартов и девальвация социальных регуляторов.
2. Масштабное финансовое и социальное расслоение населения – распределение благ в сторону олигархических групп и возрастание экономической и социальной напряженности в стране.
3. Дискредитация права, как основного инструмента регулирования жизнедеятельности общества. В общественном сознании формируется представление о беззащитности граждан перед коррупционными проявлениями, и преступностью, в целом.

Среди субъектов получения взятки на законодательном уровне фигурируют иностранные должностные лица. Рост взяточничества в международной сфере приводит к непоправимым последствиям, пагубно влияет на развитие международных отношений.

Социальные последствия коррупционных преступлений масштабны и жертвой коррупции можно считать все население [9, с. 265-270]. От коррупции прямо или косвенно страдают все сферы жизнедеятельности общества. При этом главной проблемой является невозможность взвесить все возможные последствия коррупции, оценить их в денежном или эмоциональном аспектах. В определенных пределах законодатель учел высокую степень общественной опасности социальных последствий коррупционных преступлений посредством назначения достаточно жестких

санкций за их совершение. Кратность штрафов, широкая альтернатива наказаний за коррупционные преступления позволяют говорить об определенной эффективности уголовно-правовых мер. Однако стоит заметить, что среди всех вариаций, наказание за коррупционные преступления не содержит пожизненное лишение свободы, что означает, что социальные последствия коррупции в полной мере не учтены при регламентации антикоррупционных норм. Социальные последствия коррупции настолько глобальны, а зачастую и необратимы, что сложно говорить о достижении социальной справедливости при реализации соответствующих наказаний.

Таким образом, по социальным последствиям можно классифицировать все преступления на два вида:

1) преступления, которые подлежат (или могли бы подлежать) переквалификации.

2) преступления, которые настолько масштабны, что в рамках оценки их признаков невозможно оценить все последствия и учесть их при квалификации. Безусловно, высокие рамки санкций, установленные законодателем, не позволяют усомниться в признании этих преступлений высоко опасными как для государства, так и для общества. Но, на наш взгляд, этого недостаточно.

Юридические и социальные последствия имеют разное значение [10, с. 105]. Однако эффективность уголовного законодательства зависит от справедливости и целесообразности принятых решений при оценке фактических обстоятельств дела. При квалификации правоприменитель опирается исключительно на закон, строит аргументацию выводов на основании указанных в диспозиции уголовно-правовой нормы обязательных признаков. В уголовном законе содержатся как формальные, так и материальные составы. И если в материальных составах правоприменитель обязан устанавливать юридические последствия, определять причинно-следственную связь между событием преступления и последствием, то в формальных составах это не требуется. При этом фактически негативные последствия преступления существуют. В таких случаях в юридическом смысле более целесообразно использовать термин преступный результат. Так, например, к формальным составам относится похищение человека (ч. 1 ст. 126 УК РФ), представляющее по своему содержанию три последовательные действия: противоправное изъятие жертвы с места, в котором она находилась по своей воле; перемещение ее в пространстве с последующим удержанием. В процессе данных действий жертва явно испытывает дискомфорт, физические неудобства и негативное психическое воздействие. Она оторвана от привычной жизнедеятельности, соответственно страдают семейные, трудовые и иные правоотношения. Вероятно, что даже при минимальном по времени удержании жертва похищения испытывает огромный стресс, последствия которого будут ощущаться всю жизнь.

К формальным составам относятся также изнасилование и насильственные действия сексуального характера (ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 131 УК РФ), последствия которых исследуются криминологами, виктимологами и психологами. В результате посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу личности происходит унижение чести и достоинства жертвы, глумление как в физическом, так и в психическом смыслах. Большинство жертв получают глубокую психологическую травму, как минимум, это проявляется в виде неустroенности личной жизни, одиночестве и, как максимум, - приводит к суициду.

Получается, если законодатель не поставил квалификацию деяния в зависимость от юридических последствий, правоприменитель не обязан их устанавливать.

Таким образом упускается из поля зрения уголовной юстиции огромный пласт социальных последствий, имеющих важнейшее значение для потерпевших. Это приводит к формированию в обществе чувства незащитности, обостряет проблему недоверия к правоохранительным органам и суду. Несмотря на то, что в приведенных составах законодатель предусмотрел в качестве квалифицированных и особо квалифицированных составов наступление в результате неосторожности причинения тяжкого вреда здоровью, наступление смерти жертвы или иных тяжких последствий, можно предположить, что не все последствия получили юридическую оценку на практике. Это может быть связано с протяженностью во времени психических страданий, вызванных преступлением. Если жертва совершит суицидальные действия спустя пять или десять лет после преступления, несмотря на причинно-следственную связь переквалификация деяния не наступит. Юридическая квалификация замыкается цепью событий ближайшего за преступлением временного промежутка.

Таким образом, социальные и юридические последствия существенно отличаются в своих масштабах. При квалификации деяния уголовный закон применяется в буквальном, ограничительном смысле. В результате в искаженном виде осуществляется восстановление социальной справедливости, что в восприятии жертв преступления, а также их близких, может рассматриваться как незащищенность, беззаконие. Это неминуемо приводит к проблеме недоверия к суду и правоохранительной системе, в целом. Изменить вектор уголовного права возможно, если социальные последствия найдут свое максимальное закрепление в нормах Уголовного кодекса РФ. Только объективно оценив социальные последствия, можно судить о правильной оценке степени общественной опасности преступления и, соответственно, о справедливости наказания. С учетом современных реалий назрела необходимость в научном осмыслении и совершенствовании отдельных уголовно-правовых норм в части соотношения юридических и социальных последствий преступлений. Требуется уточнение вопроса о возможной переквалификации преступных деяний на более тяжкие в случае, если последствия преступления наступили по истечении длительного времени. Данная мера будет способствовать реализации принципа справедливости. Преступник будет замотивирован на максимальное заглаживание вреда, причиненного преступлением.

В рамках криминологических мер необходимо создание специальных организаций и добровольческих объединений, состоящих из медиков, психологов, юристов и статистов.

С одной стороны, требуется исследование ими социальных последствий преступности, в целом, и отдельных преступлений, в частности. Проведение теоретически обоснованной классификации преступлений в зависимости от распространенности их социальных последствий позволит создать комплексную систему уголовно-правового и криминологического противодействия преступности.

С другой стороны, требуется реальная материальная и психологическая помощь жертвам преступлений, что позволит минимизировать социальные последствия преступности.

Список литературы:

1. Антонова Е.Ю. Соотношение социальной, юридической и уголовной ответственности. Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск), 2018. – С. 290-294.
2. Афанасьева О.Р. Сравнительная характеристика социальных последствий преступности и последствий преступления // Международный научно-исследовательский журнал. - № 6 (96), 2020. – С. 134-136.
3. Уголовная ответственность за передачу ВИЧ-инфекции // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--27-5cdvwb1buti.xn--p1ai/ugolovnaya-otvetstvennost-za-peredachu-vich-infektsii/> (дата обращения: 08.03.2023).
4. Энциклопедия уголовного права. Т. 13. Преступления против жизни и здоровья. - Издание профессора Малинина - МИЭП при МПА ЕвразЭС. СПб., 2013.
5. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 17 марта 2006 N 166 «Об утверждении Инструкции по заполнению годовой формы федерального государственного статистического наблюдения N61 «Сведения о контингентах больных ВИЧ-инфекцией» // СПС Консультант-Плюс.
6. Путинцева Т.А. Введение в уголовное законодательство понятие и наказание за «особо тяжкий вред здоровью» // Судебная система России на современном этапе общественного развития: Сборник научных трудов Всероссийской студенческой научной конференции, 9 декабря 2022 г., г. Ростов-на-Дону. Электр. текстовые данные (19, 33 Mb) – Ростов н/Д: Изд ИП Беспамятнов С.В., 2022. – С. 1260-1263.
7. Павлухин А.Н., Шуранова О.А., Эриашвили Н.Д. Законодательные противоречия уголовно-правовых норм и их последствия // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – № 1. – 2020. – С. 50-55.
8. Коррупция в России и мире — в шести графиках // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5708590> (дата обращения: 01.03.2023).
9. Ахмедханова С. Т. Общая характеристика объективных признаков коррупционных преступлений, совершаемых в сфере образования // Ученые записки Крымского Федерального Университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. № 3. 2022. С. 265-270.
10. Донская (Кавелина) О.Г. Преступления против семьи и несовершеннолетних: взгляд современника // Ученые записки Крымского Федерального Университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. № 2. 2021. С. 103-111.

Donskaya Olga G., Moskaleva Elena N., Putintseva T. The problem of correlation of social and legal consequences of crimes // // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 282–288.

The article provides a comparative analysis of social and legal consequences, determines their significance for the qualification of crimes. The authors conclude that there is a significant difference in the scale of these consequences, and give practical examples of inconsistency between real and legal consequences. In the process of argumentation of conclusions, a modeling method is used, which allows us to identify problems in more detail. Only by objectively assessing the social consequences, it is possible to judge the correct assessment of the degree of social danger of the crime and, accordingly, the fairness of the punishment. Taking into account modern realities, there is a need for scientific understanding and reform of certain criminal law norms in terms of the correlation of legal and social consequences of crimes. Clarification is required on the possible reclassification of criminal acts to more serious ones if the consequences of the crime occurred after a long time. There is a need to carry out a theoretically justified classification of crimes depending on the prevalence of their social consequences. This will make it possible to create a comprehensive system of criminal law and criminological counteraction to crime. Real work with victims of crime is required, aimed at minimizing the social consequences of crime.

Keywords: victim, qualification, criminology, scale, mechanism of commission of a crime, crime, criminal, victim, criminal result, law enforcement agencies, social consequences, judicial practice, court, statistics, degree of public danger, timing of consequences, criminal law, legal consequences.

Spisok literaturi:

1. Antonova Ye.YU. Sootnosheniye sotsial'noy, yuridicheskoy i ugovnoy otvetstvennosti. Tikhookeanskiy gosudarstvennyy universitet (Khabarovsk), 2018. – S. 290-294.
2. Afanas'yeva O.R. Sravnitel'naya kharakteristika sotsial'nykh posledstviy prestupnosti i posledstviy prestupleniya. Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal, № 6 (96), 2020. – S. 134-136.
3. Ugolovnaya otvetstvennost' za peredachu VICH-infektsii // [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://xn--27-5cdvwb1buti.xn--p1ai/ugolovnaya-otvetstvennost-za-peredachu-vich-infektsii/> (data obrashcheniya: 08.03.2023).
4. Entsiklopediya ugovnogo prava. T. 13. Prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya. - Izdaniye professora Malinina - MIEP pri MPA YevrAzES. SPb., 2013.
5. Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya i sotsial'nogo razvitiya RF ot 17 marta 2006 N 166 «Ob utverzhenii Instruksii po zapolneniyu godovoy formy federal'nogo gosudarstvennogo statisticheskogo nablyudeniya N61 «Svedeniya o kontingentakh bol'nykh VICH-infektsiyey» // SPS Konsul'tantPlyus.

6. Putintseva T.A. Vvedeniye v ugolovnoye zakonodatel'stvo ponyatiye i nakazaniye za «osobo tyazhkiy vred zdorov'yu» // Sudebnaya sistema Rossii na sovremennom etape obshchestvennogo razvitiya: Sbornik nauchnykh trudov Vserossiyskoy studencheskoy nauchnoy konferentsii, 9 dekabrya 2022 g., g. Rostov-na-Donu. Elektr. tekstovyye dannyye (19, 33 Mb) – Rostov n/D: Izd IP Bespamyatnov S.V., 2022. – S. 1260-1263.
7. Pavlukhin A.N., Shuranova O.A., Eriashvili N.D. Zakonodatel'nyye protivorechiya ugolovno-pravovykh norm i ikh posledstviya. Rassledovaniye prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya, N 1, 2020. - S. 50-55.
8. Korruptsiya v Rossii i mire — v shesti grafikakh // [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/5708590> (data obrashcheniya: 01.03.2023).
9. Akhmedkhanova S.T. Obschaya kharakteristika ob'yektivnykh priznakov korruptsiyonnykh prestupleniy, sovershayemykh v sfere obrazovaniya.//Uchenyye zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. №.3 2022.S.265-270
10. Donskaya (Kavelina) O.G. Prestupleniya protiv sem'i i nesovershennoletnikh: vzglyad sovremennika.// Uchenyye zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. №.2 2021. S. 103-111..